

заместитель генерального секретаря Союза писателей Вьетнама

НЕИСТОЩИМЫЙ ЖАР СЕРДЦА

УТЫ шоховских книг нам, вьетнамцам, был труден. Больше тигра и кобры боялись французские колонизаторы революционных идей советской литературы, с такой силой и яростью выраженных произведениях этого выдающегося писателя. И потому широкие круги вьетнамских читателей смогли познакомиться с творчеством М. Шохова лишь 35 лет назад — после августовской революции. Но, как говорится, чем длиннее и опаснее дорога, тем радостнее и дороже встреча.

Сразу же после нашей победы — в октябре 1945 года — орган ЦК фронта Вьетминь, ежедневная газета «За спасение Родины» начала в каждом номере подавать на третей полосе публиковать «Тихий Дон». Парижское издание этого шоховского романа мы нашли в брошной французской ханской библиотеке; куда оно, наше счастье, попало, очевидно, по недороду какого-то чиновника. Печатать, правда, нам довелось его очень недолго, всего в тридцати номерах. Началась война Сопротивления против французских колонизаторов, и новой встречи с полюбившимися героями Шохова вьетнамцам пришлось ждать еще девять лет.

Когда в 1954 году «Тихий Дон» вышел в свет отдельной книжкой, ее прочитала, без преувеличения, вся страна! Сам дух многоголосых, эпических, потрясающих по своему эмоциональному воздействию книги Шохова настолько созвучен с тем, что перекликали мои земляки, что в число первых же произведений советской литературы, изданных во Вьетнаме, вошли также и «Поднятая целина» и «Судьба человека». Они звали к борьбе, ясно показывали ее цели, учили побеждать.

Как писатель, часто обращающаяся к тем же сложным проблемам революционной ломки в жизни и сознании людей, что и Шохов, к проблемам, которые не охватишь одним взглядом, я высоко ценю историзм его романов. Непростые судьбы шоховских героев, их первой противоречивой поступки можно понять лишь потому, что автор знакомит нас не только с их настоящим, но и с жизнью из предков, с их прошлым — и это позволяет заглянуть в их будущее.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Крестьянская газета «Дзенни людов» ежегодно проводит у нас опрос читателей, выявляя наиболее понравившуюся им книгу — она может быть и переводной. Автору — победителю этого плембисита присуждается приз «Золотой колесо». Я хорошо помню, когда этот приз был присужден Шохову.

Особо хочу выделить, однако, одно, пожалуй, самое прекрасное, самое драгоценное свойство слова, начертанного первом Шоховом — настоящего, большого художника. Оно правдиво и достоверно, как сама жизнь. Вьетнамцы, никогда не бывавшие на берегах могучего Дона, словно воочию видят казачьи станицы, им близки и понятны трагическая, сожженная несчастной любовью Аксинья, неистовый, грезящий мировой революцией Нагульнов. Только подлинный гуманист, человек необыкновенно страстной и широкой души, досконально знающий жизнь, может со столь неотразимой убедительностью лепить такие запоминающиеся образы.

Сейчас вьетнамские литераторы, наряду с вопросами идеального содержания и разработки сюжета, первостепенное внимание уделяют художественной форме своих произведений. И творчество Шохова в наши дни изучается во Вьетнаме как никогда пристально и углубленно. Многие, особенно молодые, вьетнамские писатели — я сам слышал от них это — благодарят Михаила Александровича за его книги — учебники жизни и творчества, за неистощимый жар души и любви, которые он так щедро дарит людям. А почитатели его редкостного таланта не счесть на всех континентах.

Войцех
ЖУКРОВСКИЙ,
депутат сейма ПНР

ПОКАОН ИЗ ПОЛЬШИ

ШОХОВ был хорошо известен у нас еще до войны, до того, как он приехал и мы с ним познакомились. Его великолепно переводил человек, которому он был очень близок по духу, старый боец и прекрасный поэт — Владислав Броневский. Броневский, а потом Анджей Ставар перевели на польский «Тихий Дон». Этот замечательный роман покорил нас силой, широким дыханием, живыми героями, огромным, самобытным талантом автора.

Если бы я сам не был литератором, то, читая Михаила Шохова, мог бы подумать, что книга эта написалась, выплыла сама собой, с той буйной свободой, с какой бьет родник, даря чистой живительной водой, — эту прозу хотелось пить, и жаль было откладывать кни-

...Угловая, просторная комната в гостинице, сквозь открытое окно виден театр. Это было начало ширившегося движения за сохранение мира; когда миллионы людей на земном шаре объединились против ядерной монополии США, против бомбы, которую империалисты пытались использовать для политического шантажа.

Встреча наша состоялась во Вроцлаве во время работы Конгресса деятелей культуры мира. Это было начало ширившегося движения за сохранение мира; когда миллионы людей на земном шаре объединились против ядерной монополии США, против бомбы, которую империалисты пытались использовать для политического шантажа.

Сразу же после нашей победы — в октябре 1945 года — орган ЦК фронта Вьетминь, ежедневная газета «За спасение Родины» начала в каждом номере подавать на третей полосе публиковать «Тихий Дон». Парижское изда-

ние этого шоховского романа мы нашли в брошной французской ханской библиотеке; куда оно, наше счастье, попало, очевидно, по недороду какого-то чиновника. Печатать, правда, нам довелось его очень недолго, всего в тридцати номерах. Началась война Сопротивления против французских колонизаторов, и новой встречи с полюбившимися героями Шохова вьетнамцам пришлось ждать еще девять лет.

Когда в 1954 году «Тихий Дон» вышел в свет отдельной книжкой, ее прочитала, без преувеличения, вся страна! Сам дух многоголосых, эпических, потрясающих по своему эмоциональному воздействию книги Шохова настолько созвучен с тем, что перекликали мои земляки, что в число первых же произведений советской литературы, изданных во Вьетнаме, вошли также и «Поднятая целина» и «Судьба человека». Они звали к борьбе, ясно показывали ее цели, учили побеждать.

Как писатель, часто обращающаяся к тем же сложным проблемам революционной ломки в жизни и сознании людей, что и Шохов, к проблемам, которые не охватишь одним взглядом, я высоко ценю историзм его романов. Непростые судьбы шоховских героев, их первой противоречивой поступки можно понять лишь потому, что автор знакомит нас не только с их настоящим, но и с жизнью из предков, с их прошлым — и это позволяет заглянуть в их будущее.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Крестьянская газета «Дзенни людов» ежегодно проводит у нас опрос читателей, выявляя наиболее понравившуюся им книгу — она может быть и переводной. Автору — победителю этого плембисита присуждается приз «Золотой колесо». Я хорошо помню, когда этот приз был присужден Шохову.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Крестьянская газета «Дзенни людов» ежегодно проводит у нас опрос читателей, выявляя наиболее понравившуюся им книгу — она может быть и переводной. Автору — победителю этого плембисита присуждается приз «Золотой колесо». Я хорошо помню, когда этот приз был присужден Шохову.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.

Прошли годы. Шохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десяти раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Когда мы расставались, Шохов пригласил меня принять к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, погладить рыбку и варины уха. Сердечно меня обнял и подал новые книги.</